

В момент нерешительности раздался звонкий смех:

— Забавно, как забавно! Я-то гадал, кто посмел так разыграть клан Шангуань, а это, оказывается, юная супруга нового главы секты.

С этими словами белая фигура грациозно опустилась на землю.

— ...Альянс Боевых Искусств! — вскрикнули все присутствующие члены клана Шангуань.

Не глава клана, а глава Альянса. Стало быть, это никто иной, как Шангуань Шицзянь — выходец из клана Шангуань, бывший его глава, а ныне прославленный лидер Альянса Боевых Искусств!

Глаза Бу Юньфэй блеснули: вот он, закадычный дружок батюшки!

— Эй, разве мой батюшка не за тобой увязался, чтобы предаться утехам? — выпалила Бу Юньфэй.

Шангуань Шицзянь застыл. Весь его благородный облик вмиг окаменел, сменившись неловкостью.

— Ха-ха-ха! Разве я не нашел его? Вот, привел вам на показ, чтобы вы убедились: неправда, будто он меня не любит! — вслед за голосом появился и сам непутевый глава секты Демонов.

Судя по его виду, он был весьма горд собой, хвастаясь тем, что его чувства оказались взаимными.

— Батюшка! — Бу Юньфэй, чьи интересы полностью совпадали с родительскими, тут же бросилась к нему.

— Умница, — глава секты потрепал зятя по голове. — Ну же, иди, поприветствуй матушку.

Что еще за матушка? Лица всех присутствующих позеленели. Да, именно всех, без исключения!

Даже люди из секты Демонов сочли, что глава на этот раз зашел слишком далеко. Верные и многострадальные четверо защитников и главы левого и правого крыльев уже приготовились в случае гнева главы Альянса немедленно прикрыть собой своего лидера.

Однако Шангуань Шицзянь лишь беспомощно и неловко улыбнулся, прикрыв кулаком рот:

— Ну... здравствуй. Ты ведь Бу Юньфэй, верно? Впервые видимся, подарка при себе нет, так

что возьми этот нефрит.

Все содрогнулись: это что, признание?! Подарок от матушки зятю?!

Члены клана Шангуань содрогнулись еще сильнее: белый нефрит, который Шангуань Шицзянь снял с пояса, был величайшей реликвией их клана! Он передавался только главе клана! Но так как Шангуань Шицзянь вскоре после вступления в должность стал главой Альянса и обрел невероятный статус, новому главе было неловко требовать реликвию обратно. А Шангуань Шицзянь отличался бесстыдством: раз не просят, он и не возвращал.

И вот теперь он передает его девчонке Бу Юньфэй! А ведь этот нефрит дает право повелевать всем кланом Шангуань! Всем кланом!

— Ну же, зятек, принимай подарок и благодари матушку, — глава секты Демонов приподнял бровь, выглядя так, будто это его личное достижение.

— Спасибо, матушка, — Бу Юньфэй была не из тех, кто отказывается от подарков.

Люди из клана Шангуань дружно ахнули. Их щедрая матушка подарила не просто кусок нефрита, а весь их клан! Они только что были проданы, и их даже не спросили! А судя по виду Шангуань Шицзяня, его верность уже давно была куплена — теперь весь клан Шангуань рисковал потерять свою репутацию.

О, предки, простите нас! И Шангуань Шицзянь, негодник, тоже перед вами виноват!

Впрочем, плачь не плачь, а заветы предков нарушать нельзя. Все как один склонились перед Бу Юньфэй:

— Повинуемся священному приказу, не отступим даже перед лицом смерти.

Ого, неплохо. Бу Юньфэй сжимала в руке родовой нефрит клана Шангуань с выражением лица Джея Чоу.

Так, благодаря сочетанию долга, угроз и насильного «дарения» со стороны главы Альянса, клан Шангуань наконец перешел под знамена секты Демонов. Две великие семьи, долгие века враждовавшие между собой, сложили оружие. Их общим господином стала секта, которую они когда-то презирали. Воистину, пути судьбы неисповедимы — никто не знает, что ждет его впереди.

— Ладно, ладно, ступайте! — главе секты не терпелось похвастаться перед дочерью и зятем.

Когда все разошлись, он с улыбкой произнес:

— Видите, кого я вам привел?

Сяо Лэньюй, как всегда, сохраняла невозмутимость:

— Видим. Разве подарок уже не был вручен?

Глава секты хмыкнул и решил переключиться на зятя:

— Пока меня не было, вы вели себя очень достойно. Особенно Юньфэй — умудрилась прибрать к рукам обе великие семьи.

— Удача, просто удача, — Бу Юньфэй не смела важничать перед батюшкой, особенно опасаясь выдать, что знала сюжет этой истории заранее.

Глава секты нахмурился:

— Что за глупости? Подчинить их — твоя заслуга! Какая еще удача? У бездарей даже с удачей ничего не выйдет. Жизнь нужно прожить ярко! Если способен — значит, способен, к чему эта скромность? Чрезмерная скромность только раздражает!

Он был человеком прямым и говорил все как есть. Бу Юньфэй перепугалась: неужели батюшка начнет ее недолюбливать? Этого допустить нельзя! Она поспешно добавила:

— Разумеется, удачу нужно еще суметь удержать, а я как раз из тех, кто умеет это делать!

Ей хотелось по-геройски хлопнуть себя по груди, как это делали персонажи в сериалах, но, едва подняв руку, она заметила пышные формы под своим подбородком и поспешно опустила ладонь. Черт, почему в каждой жизни у нее размер D? Неужели, кроме имен героини и ее самой, даже параметры фигуры были фиксированными?

Бу Юньфэй внезапно осенило: подождите, система перемещения в книги должна была помочь ей одолеть главную героиню и покорить главного героя... Значит, даже если на Цзиньцзяне запрещены гаремы, а жанр перемещений вызывает споры, и в каждой жизни она — это она, но имя главного героя должно было оставаться неизменным! Ведь именно его она должна была покорить!

На душе стало холодно и неуютно. Обсудить это было не с кем — она единственная, кто пришел из другого мира. Остальные продолжали жить как ни в чем не бывало. Например, глава секты Демонов по-прежнему был беззаботен.

Услышав дополнение Бу Юньфэй, он остался доволен:

— Хорошо сказано! Зять Сяо Лэншаня должен быть самым лучшим! — он с молодецкой удалью хлопнул себя по груди.

Звук вышел гулким. Бу Юньфэй даже почувствовала, как отозвалась боль в ее собственной груди. Теперь она поняла, почему говорят «слово мужа твердо, как сталь», но никогда не говорят так про женщин. Видимо, только «мужи» осмеливаются так бить себя в грудь.

— Кстати, зятек, я не припомню, чтобы в нашей секте были какие-то яды замедленного действия? — Сяо Лэньшань терпеть не мог тягомотину. Яд должен убивать сразу, к чему эти церемонии с приемом противоядия раз в месяц?

Божественный лекарь секты демонстративно отступил на шаг и закрыл глаза.

Бу Юньфэй взяла Сяо Лэньшаня под руку:

— Батюшка, это была моя идея... — она с сомнением покосилась на Шангуань Шицзяня.

— Это твоя матушка! Она мне не чужая, говори прямо! — Сяо Лэньшань был недоволен тем, что от его супруги что-то скрывают.

Бу Юньфэй тут же отбросила сомнения:

— Матушка, конечно, не чужой человек, просто название у этого яда... немного неприличное.

Это была ложь во спасение. Она опасалась Шангуань Шицзяня: все-таки он из клана Шангуань и наверняка будет их защищать. Если узнает, что яд — пустышка, может проболтаться. Но раз батюшка настаивает, нужно подстраиваться под ситуацию: нет ничего важнее его настроения! Если не убажить батюшку, как добиться расположения жены? В конце концов, хорошо относиться к матушке — значит хорошо относиться к батюшке, а это путь к сердцу жены.

Сяо Лэньшань остался недоволен объяснением:

— Что в нем такого неприличного? К чему эта жеманность? Разве так ведет себя мой зять?

— Да-да, конечно, — закивала Бу Юньфэй, как клюющая зерна курица. И, опасаясь, что батюшка сочтет ее недостаточно «зятистой», она выпятила грудь еще сильнее, превратив размер D в E, отчего у членов секты чуть не вылезли глаза из орбит.

Холодный взгляд Сяо Лэньшаня заставил всех присутствующих вздрогнуть и уставиться в свои носки.

Шангуань Шицзянь, понимая, чего избегает Бу Юньфэй, решил не настаивать:

— Кстати, Юньфэй, как называется твой яд?

— Отвечаю матушке: яд называется Фэй подавляет Юй, — звонко ответила Бу Юньфэй.

Фэй подавляет Юй...

Все замерли. Название вызывало слишком двусмысленные ассоциации.

Сяо Лэньшань не сразу сообразил, а вот Шангуань Шицзянь усмехнулся:

— Хм, неплохо, довольно наивное название.

Наивное... У Бу Юньфэй стало каменное лицо. Разве желание взять инициативу в свои руки — это наивно? Хм.

Сяо Лэньшань посмотрел на одного, на другого, и под влиянием супруги его интеллект совершил чудо:

— Что? Ах ты, нахалка, решила подавлять мою дочь? Не бывать этому! — батюшка менял гнев на милость быстрее, чем переворачивал страницы книги.

— Батюшка, вы не можете так поступить, вы же признали меня зятем! — запаниковала Бу Юньфэй.

— Плевать! Разве зять не должен быть конем для моей дочери? Запомни: в семье Сяо всегда езжу я, а не на мне! — в вопросах доминирования он был непреклонен. Это был вопрос принципа!

Сказал он это громко, отчего лицо Шангуань Шицзяня позеленело, а члены секты снова принялись изучать свои ноги, молясь: я ничего не слышал, я ничего не слышал, пусть глава Альянса не убьет нас за то, что мы это слышали.

Главный зал секты наполнился убийственной аурой, исходящей от Шангуань Шицзяня. Похоже, он действительно хотел всех прикончить.

Сяо Лэньшань возмутился:

— Эй, чего это ты раздухарился? Опять хочешь всех перебить? Черт возьми, неужели так стыдно быть подо мной?

Этот глава Альянса был всем хорош, но в вопросах доминирования проявлял невероятное упрямство. Его сотни раз «седлали», но он каждый раз пытался скрыть свою роль «ведомого» и готов был убить любого, кто узнает правду. Сяо Лэньшань не понимал: что такого в том, что его, главу секты, «оседлали»? Это же почетно!

После его окрика аура Шангуань Шицзяня начала угасать, хотя и неохотно.

Как только все выдохнули, аура снова вспыхнула, на этот раз тонкой струной, направленной

прямо на Сяо Лэньшаня.

— Черт возьми, еще и скалится! Опять просишься на прогулку! — воодушевился Сяо Лэньшань.

Они были готовы сойтись в бою.

— Может, выйдете наружу? Жалко разрушать главный зал, его было непросто построить, — внезапно подала голос Сяо Лэньюй.

Аура замерла. Затем сникла. И, наконец, исчезла. Шангуань Шицзянь провел рукой по лицу, возвращая себе облик благородного господина.

Зять нужен для того, чтобы в трудную минуту разрядить обстановку. Бу Юньфэй поспешила вмешаться:

— Кстати, батюшка, как вы нашли матушку?

— Не напоминай, как вспомню — злюсь! Когда я его нашел, этот негодяй Мужун Уцзи тоже был там! — Сяо Лэньшань терпеть не мог Мужун Уцзи.

Мужун Уцзи? Сердце Бу Юньфэй дрогнуло.

— Мужун Уцзи пришел сообщить мне, что клан Шангуань и клан Юньфу истребили друг друга, и в живых никого не осталось, — пояснил Шангуань Шицзянь. — К счастью, мы навели справки и узнали, что вы с Лэньюй спасли выживших. Должен вас поблагодарить, иначе мой клан был бы стерт с лица земли.

И правда, если бы все погибли, а единственный оставшийся в живых Шангуань Шицзянь был геем без шансов на потомство, клан бы исчез. Все вытерли пот со лба.

Бу Юньфэй же подумала о другом: в оригинале книги Мужун Уцзи пришел к другу Сяо Лэньшаня, чтобы сообщить о его смерти, отчего тот едва не выплюнул кровь. А будучи главой Альянса, не мог открыто мстить, поэтому передал все свое мастерство «Девяти мечей Шангуань» Мужун Уцзи.

Шангуань Шицзянь был лучшим мечником того времени. Именно с этого момента Мужун Уцзи начал свой взлет. Выходит, в книге их отношения скрывали под маской «закадычных друзей», а на самом деле они были любовниками. Узнав о смерти возлюбленного и не имея возможности отомстить, Шангуань Шицзянь отдал все свои знания и внутреннюю силу Мужун Уцзи, не жалея жизни.

Он был глубоко предан Сяо Лэньшаню. Но обидно было то, что Мужун Уцзи просто подбирал все плюшки. Что ж, теперь здесь она, Бу Юньфэй, и все выгоды достанутся ей!

— Матушка, вы ведь не передали Мужун Уцзи никаких техник владения мечом? — Бу Юньфэй занервничала. Хотя Мужун Уцзи и не подобрал выживших, но он же лично приходил к Шангуань Шицзяню с вестями!

— Хм, а как ты узнала? Я увидел, что он так старается, сообщая вести, и решил передать ему пару приемов, — ответил Шангуань Шицзянь.

Сердце Бу Юньфэй рухнуло в бездну.

— Сколько приемов? — дрожащим голосом спросила она.

Ну, Шангуань Шицзянь — мастер высшего уровня, но пара приемов — это ведь не страшно, правда?

— В моих «Девяти мечах Шангуань» девять приемов, я передал ему восемь.

Сердце Бу Юньфэй разлетелось вдребезги. Она лелеяла последнюю надежду:

— А... последний прием ваших «Девяти мечей» не заключается в том, чтобы... соединить предыдущие восемь в один?

Она спросила очень осторожно, молясь, чтобы ответ был отрицательным.

Лицо Шангуань Шицзянь изменилось:

— Откуда ты знаешь? Это же мой уникальный авторский стиль!

Хотя он был из клана Шангуань, где хватало техник, чтобы стать великим, он хотел создать что-то свое. И «Девять мечей» стали венцом его мастерства.

Бу Юньфэй побледнела: я и сама не хотела знать, но в романах всегда так пишут, и главные герои всегда догадываются!

— Не волнуйся, Мужун Уцзи точно не догадается, — утешил ее Шангуань Шицзянь.

Да как же не догадается? Он же главный герой! С его-то «золотым пальцем» и врожденным талантом к боевым искусствам!

Бу Юньфэй хотелось выть.

— Ничего, даже если тот малец поймет суть мечей, он нам не угроза, — Сяо Лэньшань, с тех пор как поддержал Бу Юньфэй в ее «разбойничьем» захвате любви, считал Мужун Уцзи своим врагом. — Эта техника создана Шицзянем, даже если он ее освоит, ученику не одолеть

учителя.

Нет, это не так работает! Он же главный герой! Он превзойдет учителя!

— Впрочем, в моей технике есть изъян, — задумался Шангуань Шицзянь. — Когда я ее создавал, у меня была одна загадка, которую я так и не смог разгадать... Меч — это природа, мастерство приходит случайно. Техник должно было быть десять, но я смог осилить только девять.

Вот и изъян! Теперь Мужун Уцзи обязательно создаст десятый меч! Бу Юньфэй окончательно пала духом. На этот раз ей пришлось признать: в чужом мире нельзя быть слишком самоуверенной. «Аура оригинала» все еще сильна.

— Думаю, не стоит так переживать. Я слышал, что Мужун Уцзи неплохой человек, — заметил Шангуань Шицзянь.

Бу Юньфэй вспомнила, что он — протагонист, а в мире гармонии и позитива главные герои обязаны быть добрыми. Видимо, она зря паниковала. В конце концов, кроме поедания «мягкого риса» и разбивания женских сердец, он не совершал ничего ужасного. Значит, не такой уж он и злодей.

Все улеглись, «яды» были переименованы в «Юй подавляет Фэй» под давлением батюшки, и Бу Юньфэй униженно согласилась. Теперь она поняла всю горечь зятя, живущего в доме жены.

Настоящее счастье не зависит от того, кто сверху, а кто снизу. В любом положении можно вкусить любовь.

Наш великий писатель Бу Юньфэй поэтично записала эти строки. Фразы вышли красивыми, а вот каллиграфия — ужасной. Ничего не попишешь: даже если в прошлой жизни она немного училась писать кистью в роли императрицы Бу, привыкнуть к этому было трудно.

Если бы руки не чесались, она бы не взялась за это дело. Профессиональная болезнь — самая страшная в мире. Раньше, будучи писателем, она ныла от необходимости писать по три главы в день, а теперь, когда не нужно гнаться за сроками, ей стало скучно. Человек — существо капризное.

Конечно, писать план для «контратаки» она больше не будет — в прошлой жизни это едва не стоило ей жизни. От скуки великий автор Бу решила вернуться к истокам и писать романы. На Цзиньцзяне все думали, что она мастер женских романов в древнем стиле, но на самом деле она была мастером жанра «юри». Правда, аудитория у него была крошечная, и заработать на этом было почти невозможно.